



УДК 94(47).08

ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В ПРИДНЕСТРОВСКОМ КОНФЛИКТЕ 1989–1992 ГГ.: ВЗГЛЯД ИЗ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

М. Я. Мединец

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
E-mail: mmedinec@mail.ru



В статье рассматривается структура и источники образа Республики Молдова (РМ) как врага, создаваемого исторической традицией непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Особое внимание уделяется изображению основных групп молдавского общества, несущих, по утверждениям ПМР, вину за межнациональный конфликт в Молдавии, а также бинарным оппозициям обществ РМ и ПМР, конструируемым приднестровской идеологией.

Ключевые слова: Молдавия, Приднестровье, образ врага, приднестровский конфликт, пропаганда, Национальная армия Молдавии.

Enemy Image in the 1989–1992 Trans-Dniester Conflict: a View from Transnistria

М. Ya. Medinets

The article describes the structure and sources of the enemy image of the Republic of Moldova, forged by the historical tradition of the unrecognized Transnistrian Moldovan Republic. Special attention is paid to the portrayal of major groups of the Moldovan society which are blamed by TMR for the interethnic conflict in the country, as well as to binary oppositions of Moldovan and Transnistrian societies constructed by the Transnistrian ideology.

Key words: Moldova, Transnistria, enemy image, Transnistrian conflict, propaganda, Moldovan National Army.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66

Среди многочисленных последствий политического, а затем военного конфликта между Молдавской ССР (с 1991 г. – Республика Молдова (РМ)) и ее левобережными районами, оформившимися в непризнанную Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), есть и такое, как создание «образа врага», то есть формирование представлений об элите, государственном аппарате (а также отчасти населении) противоположного берега Днестра как о противнике. Образ врага в современной российской исторической литературе понимается как «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия»¹. Важнейший компонент образа врага – противопоставление его отрицательных

качеств своим положительным, необходимое для утверждения своей моральной правоты в войне².

В данной статье поставлена цель исследовать содержание представлений о противнике в официальной литературе ПМР, выделить основные черты в «образе врага» и показать происхождение и функции именно такого набора этих черт. Также необходимо выявить главные оппозиции «своего» и «вражеского» обществ, конструируемые государственной идеологией ПМР. В качестве источников использованы в основном учебные пособия, которые последовательней, чем сочинения других жанров, формируют массовые представления, и опубликованные в Приднестровье научные издания по истории, авторы которых доставляли «респектабельную» историческую аргументацию участникам общественно-политических дискуссий.

Образ противника в приднестровской исторической литературе распадается на три основных социальных группы, выступавших в этой роли: 1) элита вражеского государства, на которую возлагается вина за войну; 2) интеллигенция Молдавии, представители которой стали идеологами межнационального конфликта; 3) непосредственный противник – силовые структуры Молдавии (армия, полиция, «волонтеры», диверсионно-террористические группы). В таком «тройном» образе врага отражена довольно четкая концепция социальных истоков конфликта, существующая и принятая в ПМР. Она заключается в том, что причиной войны стало стремление этнически молдавской части номенклатуры МССР сохранить власть при угрозе смены социально-экономического строя в конце 1980-х гг. А инструментом достижения этой цели послужило разжигание (в сотрудничестве с Народным фронтом Молдовы) этнического конфликта, позволившего перенаправить внимание населения от социальных проблем на межэтнические³ и вытеснить из власти и престижных профессий конкурентов – более компетентных русскоязычных профессионалов⁴. Даже проводится аналогия с еврейскими погромами начала XX в. в Бессарабии⁵.

Характерно, что в изложении приднестровских авторов население Молдавии в целом рассматривается не как противник (в отличие от описаний межэтнических конфликтов в Закавказье, где противостоящие стороны показа-



ны как монолитные силы), а скорее как жертва своего правительства: «Молдаване ненависти к русским и к приднестровцам не испытывали даже в самый накал войны... В июне 1992 года... приднестровцы перекрыли газ Молдове, были перебои с электричеством. В Кишиневе люди были вынуждены готовить пищу на кострах во дворах домов. Но даже тогда никто не винил в этих бедах приднестровцев и тем более русских, несчастья ассоциировались с президентом Снегуром, собственным правительством и националистами»⁶. В некоторой степени это можно считать наследием советской пропагандистской традиции отделять «народные массы» вражеской страны от ее правящей группировки («Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом!» и т. п.), а в некоторой – реальным проявлением непопулярности войны.

Молдавские инициаторы противостояния характеризуются как «блок, альянс, который состоял из правящей национальной бюрократии Молдовы и возвращенных ею же экстремистских деятелей Народного фронта, возглавляемого в основном фанатичными писателями-румынистами»⁷. В несколько более детальном изложении: «а) национал-бюрократическая номенклатура; б) городские и пригородные маргинальные слои (имеются убедительные сведения, что и уголовные элементы, выпущенные из тюрьм с приказом проявить себя на поприще «национального возрождения»); в) элитные круги национальной творческой интеллигенции, выполнявшие зачастую посредническо-организаторские функции между первыми двумя частями»⁸.

Важнейшая черта элиты Молдавии в приднестровском описании – ее провинциальность, деревенский характер (выходцы из бессарабских сел), в противовес современному, развитому, интернациональному, рабочему и инженерному по социальному составу Левобережью⁹. В качестве ярких свидетелей такой «провинциальности» и отсталости молдавской власти приводятся, например, обычай целовать руку президенту Мирче Снегуру на ступенях парламента РМ¹⁰ или результаты первых президентских выборов – 98% за Снегуром¹¹. Такие интерпретации имеют две цели: с одной стороны, противопоставить элиту ПМР как «профессионалов», посланных на службу в Приднестровье со всего Советского Союза, власти МССР как партийным интриганам, оказавшимся на своих местах исключительно благодаря «титальному» происхождению и социальным квотам (и следовательно, дополнительно ее легитимизировать)¹², с другой стороны – постоянным педантированием «связки» между Коммунистической партией Молдавии и местным национализмом¹³ смягчить негативный эффект клише «последний заповедник СССР», «сталинская республика» и т. д. в отношении самой ПМР.

Основные черты следующей категории врагов – молдавской интеллигенции, в первую

очередь писателей (Г. Виеру, Н. Дабижа, Л. Лари и т. д.) – сочетание агрессивного румынского (не молдавского, то есть противопоставленного большинству населения республики) национализма в настоящем¹⁴ и лицемерной лояльности СССР (стихи о Ленине и т. п.) в прошлом.

Наконец, обратимся к изображению субъекта наиболее жесткой части противостояния – вражеских вооруженных сил. Здесь ключевой их характеристикой в приднестровском изображении можно назвать деморализованность, проявляющуюся по-разному. Так, всегда подчеркивается массовое нежелание молдавских военнослужащих воевать («Из 2600 офицеров-молдаван, служивших к весне 1992 г. в частях Советской армии за пределами Молдавии, в Национальную армию вступили всего 155. Были мобилизованы также 88 офицеров запаса. В то же время армию Молдовы покинули и были переведены в запас 54 офицера»)¹⁵. Другие примеры этого же явления: «Саботаж боевых действий быстро приобрел открытый и организованный характер. Ежедневно в 12 часов дня на мосту через Днестр у села Гура-Быкулуй, сообщали газеты национал-радикалов, делегация бойцов Молдовы встречается с аналогичной приднестровской делегацией, договариваясь о взаимном ненападении на следующие сутки. На плацдармах офицеры молдавских подразделений устанавливали телефонную связь с командирами формирований Приднестровья, заключая на своих участках перемирие»¹⁶. Такие сюжеты представляют и приднестровскую сторону в выгодном свете, показывая ее готовность к договоренностям и даже определенное сочувствие к противнику – знак моральной правоты приднестровского движения.

Со ссылками на румынские националистические газеты профессиональные историки ПМР утверждают, что «идеологи» боевых действий (сторонники присоединения к Румынии) пользовались презрением в армии РМ, а солдаты даже совершали на них нападения, обвиняя в развязывании войны (характерно название одной из подобных статей – «Страх перед братом и любовь к захватчикам»)¹⁷.

Однако есть и сюжеты, представляющие неотъемлемую черту образа врага – его жестокость и беспощадность: «Пленных приднестровских ополченцев полицейские, карабинеры и “волонтеры” избивали прикладами и дубинками, вырезали на их телах звезды, топили в навозных жижах, сжигали живьем. В селе Гиска сотрудники МВД и “волонтеры” уже после прекращения огня забили насмерть несколько бойцов местного отряда самообороны, в том числе раненых»¹⁸. Своеобразным символом коварства врага служит диверсионная (в терминологии ПМР – террористическая) группа «Бужор» во главе с националистом И. Илашку, совершавшая «убийства и диверсии на территории Приднестровья», а в 2010 г. (после пребывания ее членов в заключении в ПМР) награжденная



высшей государственной наградой Молдавии¹⁹. Стереотипы жестокости, дикости и грубого национализма в образе врага смешаны в таком несколько карикатурном описании деклассированных элементов («ПТУшников») на службе Молдавии: «Ребята приехали из сел в Кишинев на учебу, жили в общежитиях. Тут на них свалились легкие деньги и обещания получить квартиры русских, которых те изгонят в Россию. Достаточно было поверить, что они потомки великих римлян и древних даков. ... Деньгами и вином их обеспечили, а потом послали “усмирять” гагаузов и приднестровцев»²⁰.

Таким образом, в приднестровской литературе можно выделить следующие характерные черты противника: экстремальный румынский национализм, используемый молдавской советской номенклатурой и интеллигенцией в корыстных интересах, грубость в поведении, жестокость, опора на маргинальные и малокультурные слои; общая «деревенская» стилистика поведения врага. Индустриальное, интеллектуальное и интернациональное Приднестровье противопоставляется архаичной, шовинистической и отсталой правобережной Молдове. Одновременно с этим – часто проявляющиеся нотки сочувствия простым людям (как гражданским, так и военным), возлагающим ответственность за войну на свое правительство, и уверенность в том, что разрыв двух берегов можно смягчить. Характерно, наконец, резкое отличие от описания войн того же времени на Кавказе (в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии) официальным и последовательным делением противной стороны на дружественную массу – жертву и корыстные элиты, развязавшие войну.

Примечания

¹ См., например: *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 20.

² *Сенявская Е. С.* Указ. соч. С. 21–22.

³ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты. Тирасполь: РИО ПГУ, 1998. С. 20.

⁴ Там же. С. 83–84.

⁵ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Государственность Приднестровья: история и современность. Тирасполь: Полиграфист, 2007. С. 109.

⁶ Интернет-конференция представителей МИД ПМР для российского портала «Инофорум», 27 октября 2011 г. // Дипломатический вестн. Приднестровья. 2011. № 4 (6). С. 108.

⁷ *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 104.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ См.: История Приднестровской Молдавской Республики: в 2 т. Т. 2, ч. II. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. С. 50–51.

¹⁰ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 110.

¹¹ См.: *Кодряну Г.* Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь: ГИПП «Типар», 2002. С. 161.

¹² См.: История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2, ч. II. С. 42.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 161.

¹⁶ Там же. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 161.

¹⁸ Там же. С. 170.

¹⁹ См.: Заявление Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики в связи с награждением террористов высшими государственными наградами Республики Молдова // Дипломатический вестн. Приднестровья. 2010. № 1 (1). С. 97–98.

²⁰ Интернет-конференция представителей МИД ПМР для российского портала «Инофорум»... С. 107.

Образец для цитирования:

Мединец М. Я. Образ противника в приднестровском конфликте 1989–1992 гг.: взгляд из Приднестровья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 64–66. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66.

Cite this article as:

Medinets M. Ya. Enemy Image in the 1989–1992 Trans-Dniester conflict: a view from TMR. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 64–66 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66.